

3. Гиппиус

Стихи
1911-1923

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-1
ББК 84-5
Г50

Г50 **Гиппиус З.Н.**
Стихи: 1911-1923 / З. Гиппиус – М.: Книга по Требованию, 2022. – 80 с.

ISBN 978-5-4241-2262-0

Зинаида Гиппиус - одна из ярчайших фигур русского декаданса. Поэт, критик (под псевдонимом Антон Крайний), публицист, прозаик.

Долгое время произведения З. Гиппиус были практически неизвестны на родине писательницы, которую она покинула в годы гражданской войны.

ISBN 978-5-4241-2262-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022
© З.Н. Гиппиус, 2022

Зинаида Гиппиус
СТИХИ. ДНЕВНИК 1911-1921

У ПОРОГА

У ПОРОГА

На сердце непонятная тревога,
Предчувствий непонятный бред.
Гляжу вперед — и так темна дорога,
Что, может быть, совсем дороги нет.
Но словом прикоснуться не умею
К живущему во мне — и в тишине.
Я даже чувствовать его не смею:
Оно как сон. Оно как сон во сне.
О, непонятная моя тревога!
Она томительней день ото дня.
И знаю: скорбь, что ныне у порога,
Вся эта скорбь — не только для меня!

1913

С. Петербург

ОТРЫВОЧНОЕ

Красная лампа горит на столе,
А вокруг, везде — стены тьмы.
Я не хочу жить на земле,
Если нельзя уйти из тюрьмы.
Красная лампа на круглом столе.
Никто не хочет тьму пройти.
А если весь мир лежит во зле -
То надо мир спасти.
Красная лампа на круглом столе...
Сердце твердит: не то! не то!
Сердце горит — и гаснет во мгле:
Навстречу ему нейдет никто.

Лето 1905

СПБ

А ПОТОМ...?

Ангелы со мной не говорят.
Любят осиянные селенья,
Кротость любят и печать смиренья.
Я же не смиренен и не свят:
Ангелы со мной не говорят.
Темненький приходит дух земли.
Лакомый и большеглазый, скромный.
Что ж такое, что малютка — темный?

Сами мы не далеко ушли...
Робко приползает дух земли.
Спрашиваю я про смертный час.
Мой младенец, хоть и скромненький — вещий.
Знает многое про эти вещи,
Что, скажи-ка, слышал ты о нас?
Что это такое — смертный час?
Темный ест усердно леденец.
Шепчет весело: «И все ведь жили.
Смертный час пришел — и раздавили.
Взяли, раздавили — и конец.
Дай-ка мне четвертый леденец.
Ты рожден дорожным червяком.
На дорожке долго не оставят,
Ползай, ползай, а потом раздавят.
Каждый, в смертный час, под сапогом,
Лопнет на дорожке червяком.
Разные бывают сапоги.
Давят, впрочем, все они похоже,
И с тобою, милый, будет то же,
Чьей-нибудь отведаешь ноги...
Разные на свете сапоги.
Камень, нож или пуля, всё — сапог.
Кровью ль сердце хрупкое зальется,
Болью ли дыхание сожмется,
Петлей ли раздавит позвонок —
Иль не всё равно, какой сапог?»
Тихо понял я про смертный час.
Я ласкаю гостя, как родного,
Угощаю и пытаю снова:
Вижу, много знаете о нас!
Понял, понял я про смертный час.
Но когда раздавят — что потом?
Что, скажи? Возьми еще леденчик,
Кушай, кушай, мертвенький младенец!
Не взял он. И поглядел бочком:
«Лучше не скажу я, что — потом».

Январь 1911

Канн

НЕ БУДЕМ КАК СОЛНЦЕ

Ропшину

О нет. Не в падающий час закатный,
Когда, бледнея, стынут цветы дня,
Я жду прозрений силы благодатной...
Восток — в сиянии крови и огня:
Горело, рдело алое кадило,

Предвестный ветер веял на меня,
И я глядел, как медленно всходило,
Багряной винностью окроплено,
Жестокое и жалкое светило.
Во славе, в пышности своей, оно,
Державное Величество природы,
Средь голубых пустынь — всегда одно;
Влекутся соблазненные народы
И каждому завидуют лучу.
Безумные! Во власти — нет свободы,
Я солнечной пустыни не хочу,-
В ней рабье одиночество таятся,-
А ты — свою посмей зажечь свечу,
Посмей роптать, но в ропоте молиться,
Огонь земной свечи хранить, нести,
И, покоряя,— вольно покориться.
Умей быть верным верному пути,
Умей склоняться у святых подножий,
Свободно жизнь свободную пройти
И слушать... И услышать голос Божий.

Январь 1911

Канн

НЕ СКАЗАНО

Тебя проведу я, никем не замеченного...
Со мной ключи.
Я ждал на пороге молчанием встреченного...
И ты молчи.
Пусть сердце угрюмое, всеми оставленное,
Со мной молчит.
Я знаю, какое сомненье расплавленное
В тебе горит.
Законы Господние дерзко пытающему
Один ответ:
Черту заповеданную престапующему -
Возврата нет.
Но вот уж не друг и не раб тебе преданный я -
Сообщник твой.
Придя — перешел ты черты заповеданные,
И я с тобой.
В углу, над лампадою, Око сияющее
Глядит, грозя.
Ужель там одно, никогда не прощающее,
Одно — нельзя?
Нельзя: ведь душа, неисцельно потерянная,
Умрет в крови.
И... надо! твердит глубина неизмеренная

Моей Любви.
Пришел ты с отчаяньем — и с упованиями...
Тебя я ждал.
Мы оба овиты живыми молчаниями,
И сумрак ал.
В измене обету, никем не развязанному,
Предел скорбей.
И все-таки сделай по слову несказанному:
Иди. Убей.

Август 1911
СПБ

ПОЭТУ РОДИНЫ

А. Меньшову

Угодила я тебе травой,
зелеными да кашками,
ширью моей луговой,
сердцами золотыми — ромашками.
Ты про них слагаешь стихи,
ты любишь меня играющей...
Кто же раны мои да грехи
покроет любовью прощающей?
Нет, люби ядовитый туман,
что встает с болотца поганого,
подзаборный сухой бурьян,
мужичка моего пьяного...
А коль тут — презренье и страх,
коли видишь меня красивою,
заблудись же в моих лесах,
ожигайся моей крапивою!
Не открою тому лица,
кто красу мою ищет показную,
кто не принял меня до конца,
безобразную, грязную...

Август 1911
СПБ

МИНДАЛЬНЫЙ ЦВЕТОК

О теплый, о розово-белый,
О горький миндальный цветок!
Зачем ты мой дух онемелый
Проклятой надеждой ожег?
Надежда клятая — упорна,
Свиваются нити в клубок...
О белые, хрупкие зерна,
О жадный миндальный цветок!

Измученный дымом и гарью,
Задавленный тем, что люблю,-
Ползу я дрожащею тварью,
Тянусь я к нему — к миндалю.
Качаясь, огни побежали,
Качаясь, свиваясь в клубок...
О кали, цианистый кали,
О белый, проклятый цветок!

Ноябрь 1911

СПБ

ЕГО ДОЧКА

Ее, красивую, бледную,
Ее, ласковую, гибкую,
Неясную, зыбкую,
Ее улыбку победную,
Ее платье странное,
Серое, туманное,
Любовницу мою -
Я ненавижу.
И ненависть таю.
Когда в саду смеркается,
Желтое листья осенние,
И светы изменнее -
Она на качелях качается...
Кольца стонут, ржавые,
Складки вьются лукавые...
Она чуть видна.
Я ее ненавижу:
Знаю, кто — она.
Уйду ли из паутины я?
От сказок ее о жалости,
От соблазнов усталости...
Ноги у нее гусиные,
Волосы тягучие,
Прозрачные, линючие,
Как северная ночь.
Я ее ненавижу:
Это — Дьявола дочь.
Засну я — бежит украдкою
К Отцу — старику, властителю,
К своему Учителю...
Отец ее любит, сладкую,
Любит ее, покорную,
Ласкает лапой черною
И шлет назад, грозя.
Я ее ненавижу,

А без нее — нельзя.
От нее не уйдешь...
Я ее ненавижу:
Ей имя — Ложь.
Ноябрь 1911
СПБ

ПРОТЯЖНАЯ ПЕСНЯ

Амалии

Звени,
 звени, кольцо кандалное,
 завейтесь в цепи, злые дни...
Тянись,
 мой путь, в изгнание дальное,
 где вихри бледные сплелись.
В полночь,
 когда уснут вожатые,
 бесшумно отползу я прочь.
Собью,
 собью кольцо проклятое,
 переломлю судьбу мою.
Прими,
 прими, тайга жестокая,
 меня, гонимого людьми.
Сокрой,
 укрой, ледяноокая,
 морозной ризой, колкой мглой.
Бегут
 пути, никем не слежены,
 куда бегут? куда ведут?
Иди,
 иди тайгой оснеженной,
 и будь что будет впереди.
Звезда,
 звезда горит — та самая,
 которую любил всегда.
Гори,
 гори, меж туч, звезда моя,
 о вольной воле говори.
Поет
 мне ветер песню смелую,
 вперед свободного зовет.
Метель,
 метель свивает белую,
 свивает вечную постель -
Любви,
 любви тоску незримую,

о Смерть, о Мать, благослови.
Прильну,
склонюсь на грудь любимую
и, вольный,— вольно я усну.
Декабрь 1911
СПБ

КРЫЛАТОЕ

И. А. Бунину

В дыму зеленом ивы...
Камелии — бледны.
Нежданно торопливы
Шаги чужой весны.
Томленье, воскресанье
Фиалковых полей.
И бедное дыханье
Зацветших миндалей.
По зорям — все краснее
Долинная река,
Воздушной Пиреней,
Червонной облака.
И, средь небес горящих,
Как золото, желты —
Людей, в зарю летящих,
Певучие кресты.
Февраль 1912
По

ПОСЛЕДНИЕ СНЫ

О сны моей последней ночи,
О дым, о дым моих надежд!
Они слетелись ко мне с полночи,
Мерцая тлением одежд.
Один другим, скользя, сменялся,
И каждый был как тень, как тень...
А кто-то мудрый во мне смеялся,
Твердя: проснись! довольно! День.
Май 1912
Париж

ВОЗНЯ

Остов разложившейся собаки
Ходит вокруг летящего ядра.
Долго ли терпеть мне эти знаки?
Кончится ли подлая игра?

Всё противно в них: соединенье,
И согласный, соразмерный ход,
И собаки тлеющей крученье,
И ядра бессмысленный полет.
Если б мог собачий труп остаться,
Яркопламенным столбом сгореть!
Если б одному ядру умчаться,
Одному свободно умереть!
Но в мирах надзвездных нет событий,
Всё летит, летит безвольный ком.
И крепки вневременные нити:
Песий труп вертится за ядром.

Ноябрь 1912

СПБ

ЛЮБОВЬ — ОДНА

*...Не может сердце жить изме-
ной:*

*Измены нет — любовь одна.
1896 г.*

Душе, единостью чудесной,
Любовь единая дана.
Так в послегрозности небесной
Цветная полоса — одна.
Но семь цветов семью огнями
Горят в одной. Любовь одна,
Одна до века, и не нами
Ей семицветность суждена.
В ней фиолетовость, и алость,
В ней кровь и золото вина,
То изумрудность, то опалость...
И семь сияний — и одна.
Не все ль равно, кого отметит,
Кого пронижет луч до дна,
Чье сердце меч прозрачный встретит,
Чья отзовется глубина?
Неразделимая нетленна,
Неуловимая ясна,
Непобедимо-неизменна
Живет любовь, — всегда одна.
Переливается, мерцает,
Она всецветна — и одна.
Ее хранит, ее венчает
Святым единством — белизна.

Ноябрь 1912

СПБ

Вл. Бестужеву